

УДК 32.019.51

DOI: 10.17223/1998863X/35/28

А.И. Щербинин

ПАТРИОТИЗМ КАК НОМЕНКЛАТУРНЫЙ КОНСТРУКТ

Статья посвящена начальному этапу кампании по пропаганде патриотизма, родившейся в недрах Центрального Комитета ВКП(б) и номенклатурной группы общественных деятелей семьдесят лет назад. На основе анализа концепта в текстах исходного документа и обслуживающего его философского сборника «О советском патриотизме» показано, как господствующая схема «любовь – гордость – превосходство – ненависть» патриотического конструкта позволяла подменять Родину партией или вождем.

Ключевые слова: патриотизм, конструкт, схема, мессианство, советская Родина.

Обращение публицистов, и чуть реже исследователей-гуманитариев, к теме патриотизма сегодня становится мейнстримом в публикациях, что наводит на мысль не только о политической актуальности, но и, как водится, о конъюнктуре. Работы историков, философов, политологов, ориентированные разнополярно, пытаются подстроиться под актуальную политическую тему или войти в привычную для советской эпохи колею и по мере возможностей дать властям предрешающим свою схему формирования и закрепления патриотизма.

То, что патриотизм не являлся абсолютно естественным, «седьмым», чувством даже для советского человека, подтверждает широкомасштабная всесоюзная кампания, от которой нас отделяют без малого семьдесят лет. В апреле 1947 г. Агитпропом ЦК ВКП(б) был направлен под грифом «секретно» А.А. Жданову, секретарю ЦК ВКП(б), «План мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма» [1]. Обращение к данному документу интересно в нескольких планах. Во-первых, оно позволяет установить первоначальный этап кампании по конструированию патриотической реальности в обществе, когда, казалось бы, не было необходимости в такого рода деятельности в отношении народа-героя и страны-победительницы в Великой Отечественной войне. Во-вторых, следует рассмотреть, что может вмещать концепт «патриотизм», подаваемый как идеологически инструментальный конструкт, и как схема концепта воспроизводилась по мере его продвижения к адресату. В-третьих, есть необходимость обратить внимание на роль гуманитарной науки в иницировании и продвижении кампании по воспитанию патриотизма.

Начнем свое расследование с того, что парадоксальным является само время появления документа. Как уже говорилось, авторитет СССР был стабилен на международной арене, несмотря на фултоновскую речь Черчилля 1946 г. и ухудшение отношений с бывшими союзниками, и тем более в сознании народа-победителя был практически непререкаем. План Маршалла будет озвучен только 5 июня 1947 г. Документ родился в период подготовки к тридцатой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции,

поэтому акцент на негативных чертах в советском обществе был нелогичен с точки зрения триумфального этапа, овеянного Победой в недавней войне. Даже свойственный советской пропаганде манихейский характер видения мира, если не углубляться в конспирологию, объективно не позволяет увязать раздел Палестины в 1947 г. по решению ООН, в котором активно проявилась позиция высшего руководства СССР, и развязанную кампанию против «безродных космополитов» внутри страны. Следовательно, мы имеем дело с конструктом, который обслуживал несколько целей, включая и внутри-элитную борьбу в партии и гуманитарной науке, и не отбрасывал интересы и амбиции самих составителей документа – Г.Ф. Александрова, начальника Управления пропаганды и агитации, переведенного в 1947 г. на должность директора Института философии АН СССР, П.Н. Федосеева (бывшего сотрудник этого Института, в 1955 г. он сменил Александрова на посту директора, а на момент написания «Плана» Федосеев – сотрудник аппарата ЦК) и С.М. Ковалева – историка, заведующего отделом Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Таким образом, обслуживающая руководство партии наука, точнее – номенклатура партии в философской науке, фактически инициировала беспрецедентную кампанию по конструированию «актуального» патриотизма.

Нет ничего удивительного в том, что документ начинается не с величия социалистического отечества или феномена массового советского патриотизма – для этого было достаточно формального введения. В духе большевистской риторики вполне манихейским является начало документа. После ритуальных фраз следующим абзацем авторами заявляется: «Однако партийные организации, работники пропаганды, науки и культуры, от деятельности которых во многом зависит культурный рост и социалистическая сознательность советских людей, ни в коем случае не должны исходить из ложных взглядов, будто теперь, когда советский народ построил социализм и с такой отвагой и преданностью защитил свою родину от немецко-фашистских захватчиков, покончено с пережитками капитализма в сознании людей, с различными буржуазными навыками и традициями. В современных условиях одним из наиболее вредных и опасных пережитков капитализма в сознании людей, препятствующим развитию и укреплению советского патриотизма, является наблюдающееся у отдельных граждан СССР чувство низкопоклонства перед капиталистическим Западом, перед современной буржуазной культурой. Самое решительное и полное преодоление этого пережитка капитализма имеет первостепенное значение в деле успешного воспитания высокой коммунистической сознательности, беззаветной любви советских людей к своей отчизне» [1].

Таким образом, ни построение социализма полностью и окончательно, ни Великая Победа не являются достаточными основаниями для патриотизма. Критерием *истинности взглядов*, отделяющих патриота от не-патриота становится признание пережитков капитализма в сознании отдельных людей, различных буржуазных навыков и традиций. И уже борьба с подобными пережитками, навыками, традициями объявляется задачей первостепенного значения «в деле успешного воспитания высокой коммунистической сознательности, беззаветной любви советских людей к своей отчизне» [1].

Итак, основная идея была изложена исключительно на спекулятивной базе, авторам оставалось сформулировать цели, направления и определить тактику на первом этапе реализации «Плана мероприятий». «Рекомендательная» часть документа, адресованная партийным организациям, *всем* работникам печати, пропаганды, науки и культуры, носит облигаторный характер. Ее адресаты должны *постоянно разъяснять*, «что советский патриотизм означает глубокое *понимание превосходства* социалистического строя над буржуазным, *чувство гордости* за советскую родину, *беззаветную преданность делу партии Ленина – Сталина*» [1]. Начальная триада выглядит элементарно: имеющее непосредственное отношение к патриотизму *чувство гордости* за советскую родину дополняется глубоким пониманием *превосходства* и *беззаветной преданностью делу партии Ленина – Сталина*. Рассмотрим, каким образом разъяснялись эти компоненты. Естественно, что концепт *гордости* пересекается с *чувством превосходства* и во многом им определяется. На первом месте в документе оказывается *гордость*. Советский народ *гордится* (*имеет право, вправе*) построенным (под руководством партии большевиков) самым совершенным строем – социализмом; он, вопреки «гносным утверждениям эксплуататоров», доказал, что трудящиеся способны сами «строить свою жизнь»; «что его могучая армия разгромила армии немецких и японских империалистов». Особо акцентировалось внимание на том, что «предметом *величайшей гордости* нашего народа является партия большевиков – «ум, честь и совесть нашей эпохи» [1]. Тут же авторы используют наречие *особенно* для усиления уникальности предмета *чувства величайшей гордости*: «Советский народ *особенно гордится* тем, что он выдвинул из своей среды *величайших гениев* в области передовой теории и революционного действия, какими являются его *вожди Ленин и Сталин*» [1].

А вот *воспитание высокой коммунистической сознательности* наряду с *беззаветной любовью советских людей к своей отчизне* определяется Планом не как условие, а как первостепенная задача [1]. Остается догадываться, либо коммунистическая сознательность и любовь к отчизне уже имеются, но на более низком уровне, либо второе рассматривается как часть первого, более важного. Так, *любовь к Родине* становится еще одним элементом схемы, а наречие *беззаветно* говорит о цене такой любви: «беспрекословно, не жалея сил, героически, безоглядно, абсолютно, подвижнически, забывая себя, самоотверженно, жертвенно» [2].

Риторика документа пронизана мессианизмом, напоминающим время политических грез о мировой революции: единственный народ, имеющий великие заслуги перед человечеством, открывший новую эпоху – эпоху социалистического общества, спасший мир от фашистских варваров. В силу этого «великие исторические подвиги нашего народа, построившего социализм, поставили советский народ *во главе всех других народов в борьбе за прогресс*, что *наша социалистическая родина является путеводным маяком для всего человечества*» [1]. Естественно, логика декларирования превосходства вела к сравнению «у нас/у них», должному порождать ненависть к угнетению, неразрывно связанную «с пламенной любовью к социалистической родине». Следовательно, любовь такого рода «не может быть совместима с преклонением перед эксплуататорской буржуазной культурой». А всякое нарушение

данного морально-политического табу определяется несовместимым, в свою очередь, «с сохранением чести и достоинства советского гражданина» [1]. Далее идет разъяснение, что и как надо раскрывать пропагандистам: эксплуататорская сущность и паразитизм капитализма; социальный и национальный гнет; антинародное содержание буржуазной демократии, лживый характер так называемых «свобод»; идейное убожество буржуазной культуры и «ее гнилое и реакционное содержание». Единственная на весь документ цитата из доклада Сталина на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) 10 марта 1939 г. о том, что «последний советский гражданин, свободный от цепей капитализма, стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши, влачащего на плечах ярмо капиталистического рабства», должна убедить в правильности такого сопоставления. Ее и рекомендовалось взять за основу воспитания советского патриотизма [1].

Тема превосходства доминирует в «пропагандистско-коммуникативной» части документа. Именно здесь были показаны каналы пропагандистской коммуникации и перечислены основные темы, на которые следует сделать основной упор «для разъяснений указаний ЦК ВКП(б) о воспитании советского патриотизма». Темы *первоочередных* статей в газетах и журналах распределены следующим образом: советское государство – самое демократическое государство в мире; преимущества социалистической системы хозяйства перед капиталистической системой; о духовном превосходстве советских людей над людьми буржуазного мира; идеология советского народа – самая передовая идеология в современном обществе; партия большевиков – ум, честь и совесть нашей эпохи; величие и мировое значение русской литературы и искусства; превосходство советской культуры над культурой буржуазной; ведущая роль советского народа в прогрессивном развитии человечества; упадок современной буржуазной культуры; Великая Октябрьская социалистическая революция – начало новой эпохи в истории человечества; СССР – первое в мире социалистическое государство; коммунизм – высшая форма организации общества; великие достижения культурной революции в СССР; ленинизм – высшее достижение русской и мировой культуры; крупнейшие открытия и изобретения русских ученых; расцвет литературы и искусства в СССР; всемирно-историческое значение победы советского народа в Великой Отечественной войне; торжество советской военной стратегии и банкротство немецко-прусской военной доктрины во Второй мировой войне [1].

В этом разделе Плана темы *гордости и любви* занимают несравнимо меньшее место, уступая превосходству и ограничивая предлагаемые публикации двумя аспектами: о гордости советских людей за свою социалистическую родину и о беспредельной любви к социалистической родине как важнейшем качестве советских людей.

Завершает тематический блок сопоставительная тематика: мораль коммунистическая и мораль буржуазная; труд в СССР – дело чести, доблести и геройства; морально-политическое единство советского общества; дружба народов СССР – закон развития социалистического общества; советский народ – творец социалистической жизни; личность в условиях социализма и капитализма. И «у них»: экономический и политический гнет в капиталистических странах; угнетение и эксплуатация империалистами народов коло-

ниальных стран; наука буржуазных стран на службе интересов капитала; безыдейность и аполитичность буржуазной литературы и искусства. Наконец, обнаруживаются и узкопрофессиональные интересы авторов Плана – «реакционная сущность современной буржуазной социологии» [1].

Естественно, что газетными и журнальными публикациями авторы не собирались ограничиться. В их руках был мощный ресурс советских и партийных лекторов, к тому же обретавших новую организационную форму «Общества по распространению политических и научных знаний» (1947) – для авторов Плана это не просто сетевая организация, но и источник влияния на собственное положение в аппарате, в научной среде, а также не следует упускать из вида и отдельную строку финансирования: расходы как на гонорары лекторам, так и на публикации, что было немаловажно.

Завершая анализ документа, обратим внимание на то, что определения патриотизму авторы документа так и не дали. Видимо, за столь «многообразным содержательным наполнением» забыли или не посчитали нужным определить форму. Да, скорее всего, этого от них никто не ждал. В конечном счете, План не претендовал на статус теории.

Определение патриотизма могло быть ожидаемо в сборнике статей «О советском патриотизме» уже потому, что он был выпущен под маркой Института философии АН СССР. Увы, этого не произошло и здесь, поскольку главная особенность книги, как следовало из предисловия, заключалась в том, что «выпускаемый сборник не претендует на исчерпывающее освещение темы о советском патриотизме. Он призван помочь читателю уяснить основные положения Ленина и Сталина о советском патриотизме» [3. С. 4]. Как показывает анализ, «буква и дух» Плана сохранились, хотя из авторов исходного документа в нем остался только С.М. Ковалев со статьей по далеко не «частному» вопросу «Советская национальная гордость и борьба против низкопоклонства перед буржуазной иностранщиной».

Общее впечатление от статей, входящих в сборник, таково: во-первых, несмотря на разные, по заголовкам, предметы, они оперируют одним и тем же материалом, заданным схемой, и эта схема удивительным образом определяется основными идеями Плана: любовь – гордость – превосходство – ненависть; во-вторых, это один из образцов коммунистической догматики, где диалектика подменяется содержательным «прикладыванием» одного тезиса к другому по типу «камень на камень, кирпич на кирпич»; в-третьих, в духе «высокой» пропаганды сборник не лишен эпического (идет ли речь о вождях, рядовых патриотах или врагах), что ритмически вместе с повторяемостью схемы «любовь – гордость – превосходство – ненависть» оставляет впечатление своего рода мантр. К заключительному выводу одной статьи сразу подключается другая. Например, финал статьи А.И. Соболева «Советский патриотизм – патриотизм высшего типа» звучит так: *«Партия Ленина – Сталина цементировала патриотические чувства миллионов советских тружеников единой целью, сплотила волю десятков миллионов в единую волю и направила этот могучий, удесятенный большевистской организованностью патриотический порыв народа на решение задач строительства коммунизма»* (курсив А. Соболева) [4. С.118]. А вот так выглядит начало статьи Г.Е. Глезермана: «Судьбы нашей Родины нераздельно связаны с больше-

вистской партией, твердо и уверенно направляющей наше движение вперед, к коммунизму. Вот почему в сознании советского человека тесно слились Родина, партия, Сталин. Вот почему в лице Всесоюзной Коммунистической партии большевиков, в образе великого учителя и вождя товарища Сталина советские люди видят воплощение своих высочайших патриотических чувств и стремлений» [4. С. 119–120].

В этой связи ни одну статью содержательно нельзя назвать теоретически (и даже политически) главной, определяющей остальные. Невозможно сказать, где общая проблема, а где частная. На первый взгляд, и по расположению, и по названию «главной» должна быть статья Д.И. Чеснокова «Марксизм-ленинизм об отечестве и патриотизме», на деле же она выглядит тривиальным повторением «Краткого курса истории ВКП(б)» [6]. Поэтому на статус главной могли претендовать статьи и А.И. Соболева [4], и Г.Е. Глезермана [5]. Бесспорно, приоритет мог быть отдан и статье одного из редакторов сборника Н.П. Васильева «Советский патриотизм – могучая движущая сила развития социалистического общества» [7] уже потому, что он единственный из авторов сборника в самом начале статьи определил главного теоретика патриотизма – товарища Сталина. По Васильеву, уже на XXVIII съезде партии в числе движущих сил, обеспечивших победу социализма, вождь назвал патриотизм, призвав «развивать и культивировать советский патриотизм». Далее, «товарищ Сталин... определяет советский патриотизм как *животворный*» (курсив Н. Васильева). Обращение к сталинской церковно-возвышенной (См.: Гал.3:21) риторике применительно к онтологии патриотизма было бы оправдано, если следовать к родовым истокам данного феномена. Но этого, увы, не могло произойти по логике материалистической философии «производительных сил и производственных отношений», и стало лишь не совсем уместным украшением апологетического текста [7. С. 214].

Сам по себе сборник как концептуальный комплекс нуждается и в количественном, и в качественном анализе. Мы же обратимся к наиболее «смелым» предложениям авторов статей, выходящим (текстуально, но не по духу) за рамки «схемы». Так, Г.Е. Глезерман, вдохновленный аналогиями предшествующих побед партии большевиков, писал: «Если в борьбе за победу социализма партия большевиков обеспечила ликвидацию эксплуататорских классов, которые по своему существу были антипатриотичными, то в процессе борьбы за победу коммунизма партия обеспечивает преодоление пережитков антипатриотической идеологии, выкорчевывает капитализм в сознании людей» [5. С. 176]. Что мы видим? Далеко не только рекомендации по переносу классовой борьбы в сферу сознания. Если классовые враги периода борьбы за социализм – антипатриоты, то антипатриоты эпохи строительства коммунизма могут ли быть иными, чем классовыми врагами? Поэтому «ликвидация» и «выкорчевывание» суть одно и то же действие в отношении врага, определение которого, по Карлу Шмитту, целиком является монополией государства. В данном конкретном случае удар был направлен против «безродных космополитов» – «изменников и предателей, которые продают свою родину американскому империализму» [5. С.173].

Задача же государственной философии-идеологии – обосновывать эти действия, а иногда и делать своевременные «подсказки» монополисту. Что

философия получает взамен? Право на признание партией-государством в качестве официальной хранительницы марксистско-ленинской мудрости и статус «главной науки» страны. Бесспорно, при полном контроле партии. Здесь в статье того же Глезермана делается «уместная» ссылка на то, что «партия большевиков подняла на должную высоту достоинство отечественной науки». В качестве примера автор приводит дискуссию по книге Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии» [5. С. 172–173]. Пикантность этого отрывка в том, что те, кому была адресована критика Сталина, Жданова, соратников по «философскому цеху», успешно сформировали и организационно-теоретически сопровождали кампанию «по воспитанию советского патриотизма». И опять философия оказывается на высоте: «Проведя философскую дискуссию, партия призвала работников всех отраслей науки к борьбе за большевистскую партийность в теоретической работе, за господство боевого советского патриотического духа в их рядах» [5. С. 173]. Сама по себе «философская дискуссия», как и закрытое совещание в ЦК (1944 г.) по проблемам историографии отечественной истории, были пробным камнем по укоренению патриотизма в общественных науках (см. подробнее: [8, 9]).

Таким образом, «бритва Оккама» не коснулась работ, опубликованных в философском сборнике, более того, «исчерпывающее освещение темы о советском патриотизме», не затрагивая *сущности* патриотизма, не ограничивало возможности многочисленных его *проявлений*, разумеется, уже в рамках обозначенного Планом (и сформулированной в нем схемой) и развернутого в данном сборнике конструкта «советского патриотизма». Номенклатурному конструкту предстояло еще проявить себя в атмосфере партийных заседаний, собраний научных и творческих коллективов, «судов чести», воплотиться в пьесы и песни, лекции про жизнь на Марсе и русский трактор и т.п. Патриотическое воспитание отныне станет неотъемлемой частью образования, пройдя по траектории от методических указаний до индоктринационных техник на уроках и во внешкольной работе (см.: [10]).

В целом номенклатурная схема конструирования патриотизма, призванная переводить любовь к Родине в любовь к партии и ее вождям, вряд ли соответствовала сталинскому эпитету *животворный*, напротив, по преимуществу это было мертвящее насилие над общественным сознанием и поведением, растянувшееся на десятилетия.

Литература

1. План мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма. URL: <http://www.alexandervakovlev.org/fond/issues-doc/69334> (дата обращения: 1 июня 2016 г.).
2. *Словарь русских синонимов*. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-synonyms-term-2807.htm> (дата обращения 13.06.2016).
3. *Предисловие* // О советском патриотизме: сб. статей / под ред. Н.П. Васильева и Ф.Д. Хрустова. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. С. 3–4.
4. *Соболев А.И.* Советский патриотизм – патриотизм высшего типа // О советском патриотизме: сб. статей / под ред. Н.П. Васильева и Ф.Д. Хрустова. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. С. 62–118.
5. *Глезерман Г.Е.* Партия большевиков вдохновитель и воспитатель советского патриотизма // О советском патриотизме: сб. статей / под ред. Н.П. Васильева и Ф.Д. Хрустова. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. С. 119–181.
6. *Чесноков Д.И.* Марксизм-ленинизм об отечестве и патриотизме // О советском патриотизме: сб. статей / под ред. Н.П. Васильева и Ф.Д. Хрустова. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. С. 5–61.

7. Васильев Н.П. Советский патриотизм – могучая движущая сила развития социалистического общества // О советском патриотизме: сб. статей / под ред. Н.П. Васильева и Ф.Д. Хрустова. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. С. 214–269.

8. Добренко Е. Метагалинизм: диалектика партийности и партийность диалектики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 3(27). С. 26–64, № 4(28). С. 253–298.

9. Гришаев О.В. Роль совещания историков 1944 года в развитии советской историографии русской истории // Научные ведомости. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. № 1 (144). Вып. 25. С. 132–136.

10. Щербинин А.И. Тоталитарная индоктринация как управление сознанием: Учеб. пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. 274 с.

Scherbinin Alexey I. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: shai52@mail.ru

DOI: 10.17223/1998863X/№35/№ 28

PATRIOTISM AS A NOMENCLATURE CONSTRUCT

Key words: *patriotism, construct, scheme, messiahship, Soviet Homeland.*

The article is devoted to the initial phase of patriotism promoting campaign that was born in the interior of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and the nomenclature group of social scientists seventy years ago. On the basis of the concept analysis in the original document texts and in the supplying philosophical collection “On the Soviet patriotism” it is shown how the dominating scheme “love – pride – superiority – hate” of the patriotic construct allowed to substitute Homeland by the party or the leader.

References

1. Anon. (n.d.) *Plan meropriyatiy po propagande sredi naseleniya idey sovetskogo patriotizma* [The plan for the promotion of Soviet patriotism among the population]. [Online] Available from: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/69334>. (Accessed: 1st June 2016).

2. Classes.ru. (n.d.) *Slovar' russkikh sinonimov* [The Dictionary of Russian Synonyms]. [Online] Available from: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-synonyms-term-2807.htm>. (Accessed: 13th June 2016).

3. Vasiliev, N.P. & Khrustov, F.D. (eds) (1950) *O sovetskom patriotizme* [About Soviet patriotism]. Moscow: State Publishing House of Political Literature. pp. 3–4.

4. Sobolev, A.I. (1950) Sovetskiy patriotizm – patriotizm vysshego tipa [Soviet patriotism is patriotism of the highest type]. In: Vasiliev, N.P. & Khrustov, F.D. (eds) (1950) *O sovetskom patriotizme* [About Soviet patriotism]. Moscow: State Publishing House of Political Literature. pp. 62–118.

5. Glezerman, G.E. (1950) Partiya bol'shevikov vdokhnovitel' i vospitatel' sovetskogo patriotizma [The Bolshevik Party as the inspirer and teacher of Soviet patriotism]. In: Vasiliev, N.P. & Khrustov, F.D. (eds) (1950) *O sovetskom patriotizme* [About Soviet patriotism]. Moscow: State Publishing House of Political Literature. pp. 119–181.

6. Chesnokov, D.I. (1950) Marksizm-leninizm ob otechestve i patriotizme [Marxism-Leninism on the Motherland and patriotism]. In: Vasiliev, N.P. & Khrustov, F.D. (eds) (1950) *O sovetskom patriotizme* [About Soviet patriotism]. Moscow: State Publishing House of Political Literature. pp. 5–61.

7. Vasiliev, N.P. (1950) Sovetskiy patriotizm – moguchaya dvizhushchaya sila razvitiya sotsialisticheskogo obshchestva [Soviet patriotism as a powerful driving force for the development of socialist society]. In: Vasiliev, N.P. & Khrustov, F.D. (eds) (1950) *O sovetskom patriotizme* [About Soviet patriotism]. Moscow: State Publishing House of Political Literature. pp. 214–269.

8. Dobrenko, E. (2014) Metastalinizm: Dialectics of partisanship and party dialectics. *Vestnik Tomskogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 3(27). pp. 26–64, 4(28). pp. 253–298. (In Russian).

9. Grishaev, O.V. (2013) Rol' soveshchaniya istorikov 1944 goda v razvitiu sovetskoy istoriografii russkoy istorii [The role of historians' meeting in 1944 in the development of Soviet historiography of Russian history]. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika.* 1(144). pp. 132–136.

10. Shcherbinin, A.I. (2012) *Totalitarnaya indoktrinatsiya kak upravlenie soznaniem* [The totalitarian indoctrination as a mind control]. Tomsk: Tomsk State University.